RUDN Journal of Russian History
Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ
ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)
2024 Vol. 23 No. 4 441–450
http://journals.rudn.ru/russian-history

ИСТОРИЯ ЮЖНОГО ФРОНТИРА
HISTORY OF THE SOUTHERN FRONTIER

https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-441-450
EDN: PIXUWC

Научная статья / Research article

Влияние военно-оборонительного фактора на продвижение южного фронтира России в XVI–XIX вв.

Елена Валентиновна Линькова, Дмитрий Евгеньевич Евсюков
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
linkova-ev@rudn.ru

Аннотация: Рассмотрена эволюция основных идей и концепций, объясняющих территориальное расширение государства, проанализирована их применимость к обоснованию продвижения границ Российского государства на южном направлении в исторической ретроспективе XVI–XIX вв. На основе концепции естественных границ и теории фронтира исследованы основные этапы установления южной границы России. Отмечается, что Россия на всех этапах своей государственности, по сути, придерживалась оборонительной доктрины внешней политики, а процесс расширения ее территории на южном направлении был связан с последовательным строительством оборонительных линий. На первом этапе в XVI–XVII вв. с их помощью Русское государство заявляло свои права на эти земли как правопреемник Киевской Руси. Особенностью последующих столетий стало возведение укрепленных линий для защиты границ, установленных по итогам войн и закрепленных международными договорами. Процесс движения России на юг завершился по достижению естественных границ Черноморского побережья, что позволило обеспечить безопасность территорий и населения.

Ключевые слова: естественные границы, фронтир, оборонительная линия, служилые люди, дети боярские, казачество, ландмилиция

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Для цитирования: *Линькова Е.В., Евсюков Д.Е.* Влияние военно-оборонительного фактора на продвижение южного фронтира России в XVI–XIX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 441–450. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-441-450

The Influence of Military Defensive Factor on the Process of Establishing Russia's Southern Frontier in the XVI–XIX Centuries

Elena V. Linkova, Dmitry E. Evsyukov
RUDN University, Moscow, Russia
linkova-ev@rudn.ru

Abstract: The authors examine the evolution of the main ideas and concepts explaining the territorial expansion of the Russian state and analyzes their applicability to substantiating the advancement of the borders of the Russian state southward in historical retrospect of the XVI–XIX centuries. Based

© Линькова Е.В., Евсюков Д.Е., 2024
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

on the concept of natural boundaries and the theory of the frontier, the main stages of by the Russian state in establishing its southern border are analyzed within the text. It is noted that at all stages of its statehood, in fact, Russia adhered to the defensive doctrine of foreign policy, and the process of expanding the territory southward was associated with the consistent construction of defensive lines. By the XVI–XVII centuries with the help of those defensive lines, the Russian state claimed its rights to these lands as the legal successor of Kievan Rus. The feature of the following centuries was the construction of fortified lines to protect the borders established as a result of ongoing warfare, and their construction was enshrined in international treaties. The process of Russia's movement southward was completed upon reaching the natural boundaries of the Black Sea coast, which made it possible to ensure the safety of the territories and the population of the southern frontier.

Keywords: natural borders, frontier, defensive line, serving people, boyar scions, Cossacks, land militia

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility.

For citation: Linkova, E.V., and Evsyukov, D.E. “The Influence of Military Defensive Factor on the Process of Establishing Russia’s Southern Frontier in the XVI–XIX Centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (November 2024): 441–450. https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-441-450

Введение

Актуальность. Внешние угрозы, исходившие со стороны Крымского ханства в XVI–XVII вв., способствовали выработке особой государственной политики по защите южных рубежей Российского государства. Данная политика реализовалась в последовательном освоении территорий к югу от Оки путем военной колонизации. Здесь располагалось так называемое «Поле» – обширные незаселенные лесостепные и степные зоны с отсутствием каких-либо четких границ, примыкавшие с юга к окраинным («украйным») городам Русского государства. На пространство этой буферной зоны, которая отделяла русские и ордынские земли, претендовали как Москва (в качестве наследницы Киевской Руси), так и Крымское ханство. Географические рамки Поля на протяжении времени претерпели определенные изменения. Если в первой половине XVI в. Поле начиналось сразу за Тулой, то по мере строительства здесь русских городов во второй половине XVI в. его граница отодвинулась на юг[1].

Концепт «южного фронтира» России в географическом смысле имеет различное содержание в зависимости от эпохи. Если в XVI–XVII вв. он продвигается по территории Поля, то в XVIII–XIX вв. речь уже идет о землях Северного Причерноморья, Приазовья, Новороссии, Крыма. В этой связи представляется особенно актуальным изучение данной проблемы в современных условиях. Это связано в первую очередь с тем, что в настоящий момент Россия отстаивает в том числе безопасность своих южных границ, причем не только на фронтах Специальной военной операции, но и в информационном поле. Именно здесь вполне логичным является обращение к историческим аспектам, объясняющим специфику формирования южного фронтира России, становление границ страны в условиях XVI–XIX вв.

Степень изученности проблемы. В исторической науке присутствуют несколько концепций, использование которых позволяет с различных сторон обосновать логику расширения территориальных границ государства. Речь, в первую очередь, идет о концепции естественных границ и теории фронтира, которые будут рассмотрены в настоящей статье.

Целью исследования является реконструкция и осмысление процесса территориального расширения Российского государства на протяжении XVI–XIX вв. через призму концепции естественных границ и теории фронтира.

[1] *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 6–10.

Источниковой базой исследования стали нормативно-правовые и делопроизводственные документы, опубликованные, а также хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, в их числе императорские указы, высочайшие доклады, инструкции и др.

Концепция естественных границ: зарождение и эволюция

Концепция естественных границ зародилась в XVII в. во Франции в период ее противостояния со Священной Римской империей германской нации. Автором концепции можно считать кардинала Ришелье. Ключевыми элементами в концепции естественных границ являются географические особенности рельефа – моря, реки и горы, которые рассматриваются как естественные ограничители территориального расширения государства.

В отечественной историографии начало научного обоснования теории естественных границ было положено В.О. Ключевским и С.М. Соловьевым.

Соловьев использовал эту категорию применительно к определению естественных границ отдельных княжеств (Новгородского, Киевского, Смоленского и др.), подразумевая под естественными границами конкретные реки, озера, а также водоразделы между речными системами, особенно волоки, которые, по мнению историка, в России отчасти заменяли горы[2].

В.О. Ключевский рассмотрел процесс расширения территории всего Российского государства в целях достижения его естественных этнографических и географических границ, отмечая при этом неодинаковость географических условий и исторической среды по различным направлениям движения. Историк пришел к выводу, что Российское государство в начале XIX в. «стало в свои естественные границы»[3].

В последующем концепция естественных границ нашла отражение в европейских геополитических теориях первой половины XX в. Так, представитель немецкой школы, «отец геополитики» Ф. Ратцель в своей работе «Антропогеография» связывает географический и политический факторы и обосновывает тезис о том, что рост государственного организма продолжается до естественных границ. К. Хаусхофер полагал, что эти границы могут быть подвижны в зависимости от уровня развития государства и его амбиций. В то же время концепция естественных границ подверглась критике со стороны французской школы в лице Ж. Анселя, понимавшего границы как результат равновесия между жизненными силами двух народов, а не как физические препятствия, разделяющие их[4].

Под иным углом зрения подошел к анализу природно-географических факторов британский геополитик Х.Дж. Маккиндер, рассмотревший историческое противостояние народов «Хартленда» (территория северо-востока Евразии) и окружавших его держав «внутреннего полумесяца» (страны Европы, Юго-Западной Азии, Северной Африки, Индия и Китай), в результате которого первые постепенно вытесняли последних к периферии.

Проблема формирования границ России также анализировалась с точки зрения концепции естественных границ. Так, современные англо-американские авторы Ф. Бергхольц, Дж. ЛеДонн, Дж. Ричардс при обосновании территориального рас-

---

[2] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: в 6 кн. Кн. 1. Т. 1–5. СПб., 1857–1864. С. 15–30.

[3] *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. 5. Курс русской истории. Ч. 5. М., 1989. С. 177.

[4] *Баранов Н.А.* Классические геополитические теории европейских научных школ: германской, французской, итальянской // Николай Баранов, политолог, д. полит. н., проф.: перс. сайт. / Курс «Геополитические проблемы европейского развития». 19.07.2016. URL: https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-geopoliticheskie-problemy-evropejskogo-razvitiya/269-tema-5-klassicheskie-geopoliticheskie-teorii-evropejskikh-nauchnykh-shkol-germanskoj-frantsuzskoj-italyanskoj (дата обращения: 17.02.2024).

ширения Российской империи так или иначе обращались к данной концепции, хотя сами границы Хартленда исследователями определялись по-разному, и в целом обозначали территорию, приблизительно совпадавшую с границами Российской империи и Советского Союза. Еще одно понятие, используемое в современной западной историографии при объяснении расширения границ Российской империи как ответа на внешние угрозы, особенно по направлениям, где установленные в итоге границы не в полной мере соответствовали географическим особенностям, это «оптимум завоевания», введенный американским востоковедом О. Латтимором – применительно к истории расширения Китая[5].

Современные отечественные исследователи И.В. Бахлов, Б.М. Пугачев, Р.А. Тлепцок расставляют новые акценты, выделяя интегральную роль русского этноса в синтезе новой евроазиатской культуры и хозяйственном освоении незаселенных территорий. Отмечается актуальность дальнейшей разработки концептуальных подходов к осмыслению феномена естественных границ России в рамках развития евразийских геополитических теорий, а также для формулирования региональных приоритетов в государственном управлении[6].

Теория фронтира

В контексте изучения проблем формирования границ государств в разные исторические эпохи получила развитие теория фронтира. Данная концепция была выдвинута американским историком Ф. Тернером в 1893 г. Под фронтиром он понимал приграничную полосу свободных земель, которая постепенно осваивалась белыми поселенцами и перемещалась вглубь континента в западном направлении, пока границы государства не достигли Тихоокеанского побережья. По мнению историка, американский фронтир был «местом контакта дикости и цивилизации», что отличало его от европейского, представлявшего из себя «укрепленные пограничные линии, проходящие через густонаселенные местности». Особенные условия жизни на фронтирных территориях, по мнению Ф. Тернера, сыграли ключевую роль при формировании американского характера, зарождении идеалов свободы и демократии[7].

В 1920–1940-х гг. теория фронтира подверглась серьезной критике. Ч. Бирд и Б. Райт усомнились в определяющей роли фронтира в развитии американской цивилизации и демократии, К. Гудрич и С. Дэвинсон – в его влиянии на темпы индустриализации и урбанизации. В последующие десятилетия теория фронтира претерпела существенные изменения. В современной западной исторической науке превалирует позиция об устаревшем значении теории фронтира Тернера и непригодности ее для современной науки. Так, П. Лимерик в монографии «Наследие завоевания» (1987) предлагает уйти от упрощенного и одностороннего подхода (только с точки зрения американской цивилизации) в пользу идей глобальной истории, а термин «фронтир» исправить на «завоевание»[8].

В советской историографии со второй половины 1950-х гг. концепция фронтира Тернера в целом получила критическую оценку в трудах А.В. Ефимова,

---

[5] *Попов И.А.* Естественные границы как фактор русской колонизации в современной англо-американской историографии // Молодой ученый. 2015. № 19 (99). С. 663–664.

[6] *Бахлов И.В.* Пространственное развитие Российской империи: концепция «естественных границ» // Государственная власть и управление: проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф, Саранск, Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 16 фев. 2018 г. Саранск, 2018. С. 29; *Тлепцок Р.А.* Проблема естественно-географических границ Российской империи: концептуальные подходы // Научная мысль Кавказа. 2011. № 2 (66). С. 22.

[7] *Тернер Ф.Дж.* Фронтир в американской истории. М., 2009. С. 14.

[8] *Цыганова А.А.* Творческое наследие Ф.Дж. Тернера в истории американского прогрессизма: дис. ... канд. истор. наук. М., 2012. С. 20–36.

Н.Н. Болховитинова, И.П. Дементьева. Несмотря на это, в 1990-е гг. данный термин был воспринят отечественными историками и введен в научный оборот в несколько измененном виде первоначально при рассмотрении истории освоения Сибири. Можно выделить два основных подхода к трактовке фронтира в отечественной науке. В первом значении фронтир понимается в территориальном плане как линия укреплений или граница (в том числе неявно выраженная) с коренным населением (А.Д. Агеев, Р.Н. Рахимов). В рамках второго подхода внимание акцентируется на особых социальных условиях в области фронтира и фронтир рассматривается как место встречи разных культур, область взаимодействия цивилизаций, находящихся на разных уровнях развития (Н.Ю. Замятина, Д.Я. Резун, М.В. Шиловский)[9]. Так, А.Д. Агеев, применяя теорию фронтира для качественно иной среды с особыми экономическими и политическими условиями, выделяет такие черты заселения Сибири, как принудительный характер колонизации, а также отсутствие последующей ее интеграции в мировые хозяйственные связи (так и осталась периферией центра).

Что касается изучения южного пограничья, то это направление исследуется белгородскими, воронежскими и тамбовскими учеными. Так, А.И. Папков, О.В. Скобелкин и Ю.А. Мизис высказали предложение по использованию термина «фронтир» для описания процессов освоения рассматриваемого региона, так как распространенные среди историков термины «порубежье», «приграничные уезды» и др. не отражают особой специфики региона, кроме близости к границе. Они сформулировали основные составляющие данного концепта применительно к южному региону, а также выделили основные его сущностные признаки[10]. А.И. Папковым высказана также идея о допустимости использования в исследованиях данного региона исторического термина «украйна», который широко встречался в документах XVI–XVII вв. в значении окраин как Российского государства, так и польско-литовских земель[11].

Тем не менее, обоснованность использования нового термина в отечественной историографии продолжает вызывать споры. С учетом этого факта в 2020 г. известный историк казачества Д.В. Сень опубликовал статью, в которой вынес на обсуждение вопрос о перспективах применения концепции фронтира в исторических исследованиях[12]. Результатом стала дискуссия «Как сегодня изучать фронтиры?», организованная на площадке журнала «Петербургские славянские и балканские исследования», в рамках которой было предложено рассматривать фронтир как «зону коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с различной спецификой». Подводя итоги дискуссии, Д.В. Сень отмечает, что использование концепта фронтира открывает возможности для новых результатов исследований

[9] *Хромых А.С.* К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронтир» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: Проблемы и перспективы. Сб. материалов III регион. молодеж. науч. конференции. Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2009. С. 112.

[10] *Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И.* Русский фронтир: Политические, социальные и экономические аспекты (Юг России в XVI – конец XVIII в.) // Вестник Тамбовского государственного университета. 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 10.

[11] *Папков А.И.* «Фронтир» или «украйна»: два подхода к изучению истории российской колонизации Днепро-Донской лесостепи в XVI–XVII в. // Русь, Россия. Средневековье и новое время. 2017. № 5. С. 176–180.

[12] *Sen' D.V.* Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue [Фронтирные исследования в современной России: Зыбкие границы академического диалога] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1. С. 66–80.

в этой области[13]. В настоящее время основной площадкой для обсуждения вопросов фронтирной теории, пограничья и приграничья, межкультурной коммуникации в контактных зонах является «Журнал фронтирных исследований»[14].

Военные аспекты защиты южных окраин России

В ходе формирования Русского централизованного государства в XIV–XVI вв. усиливаются меры по обороне его южных рубежей. Для Московского княжества естественной границей, защищавшей его с юга, была река Ока. В конце XIV в. здесь находились две крепости – Коломна и Серпухов, на базе которых действовала система разведки и предупреждения о нападениях со стороны ордынцев, а к середине XV в. сложилась служба великому князю по обороне рубежей Оки, известная как «береговая служба», или «Берег». В 1480 г. в нее были включены и другие крепости – Перемышль, Калуга, Алексин, Таруса, Кашира, а берег Оки был укреплен двумя частоколами, пространство между которыми было засыпано землей. Таким образом, сформировалась единая система обороны на протяжении всего течения Оки от Коломны до устья Угры[15].

На рубеже XV–XVI вв., по мере присоединения Верховских княжеств и рязанских земель, появилась задача по защите новых границ. При Василии III были возведены каменные крепости – Коломенский, Тульский и Зарайский кремли. На подступах к Туле были сооружены засеки (заградительные полосы из поваленного леса) – основа будущей засечной черты[16]. Общегосударственным данный проект по строительству единой оборонительной линии на юге начал становится в 1550-х гг., после присоединения Казани, а затем и Астрахани, нейтрализовавших внешние угрозы на восточном и юго-восточном направлениях. Только тульским воеводой на первом этапе строительства засечной черты из разных местностей было привлечено более тысячи человек с плотницким инструментом и лошадьми. К началу 1570-х гг. засечная черта протянулась от Калуги и Козельских лесов до Рязани[17]. В это же время появился и первый устав пограничной службы – Боярский приговор о станичной и сторожевой службе 1571 г., а также введена практика закрепления новых территорий путем нанесения на деревьях специальных меток, обозначавших границу владений Русского государства[18].

Таким образом, расширение территории государства за его естественную географическую границу (в данном случае – реку Ока) потребовало сооружения искусственных преград в виде оборонительных линий. Первым шагом по продвижению в Поле стало строительство Большой засечной черты, в результате чего граница была отодвинута на 50–60 км южнее Оки.

Одновременно со строительством засечной черты началось активное освоение Поля. В 1550-е гг. здесь были построены города (крепости) Дедилов, Болхов, Ряжск, в 1560–1570-е гг. – Данков, Орел, Епифань, перестроен Венев, с 1580-х гг. появляются Воронеж, Ливны, в 1590-е гг. – Елец, Кромы, Белгород, Курск, Оскол, Валуйки, Царев-Борисов.

---

[13] Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д.В. Сеня // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1. С. 96, 98–100.

[14] Подробнее см.: https://jfs.today/index.php/jfs/about/editorialTeam (дата обращения: 17.02.2024).

[15] *Носов К.С.* Русские средневековые крепости. М., 2013. С. 204–205.

[16] Там же. С. 206.

[17] *Бурцев И.Г., Дедук А.В.* К вопросу о термине «засечная черта» и географических рамках его употребления (некоторые замечания и наблюдения) // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2020. Вып. 5. С. 16.

[18] *Мизис Ю.А., Папков А.И.* Внешние и внутренние границы России и естественные природные зоны на юге в XVI – начале XVIII в. // Российская история. 2016. № 3. С. 41.

Территория малонаселенного Поля, постепенно осваиваемая в ходе военной колонизации в XVI в., по ряду признаков (государственная принадлежность четко не определена, демаркация границ не проводилась, наблюдается постоянное движение условной границы и др.) рассматривается отечественными историками как фронтир[19]. Присоединяемые в XVI в. Русским государством территории в большей части являлись прежними владениями Киевской Руси и еще три с небольшим столетия назад принадлежали Черниговскому княжеству. Поэтому на данном этапе во фронтирной зоне не происходило так называемого столкновения цивилизаций (за исключением регулярных татарских набегов), не наблюдалось взаимопроникновения культур. Русский фронтир отличался от европейского, для которого была характерна высокая плотность населения по обе стороны границ.

В этот период расширение Русского государства не вызывало опасений со стороны Крымского ханства, так как новые города возводились вдали от мест традиционных татарских кочевий, поэтому вопрос о границах в официальной переписке не поднимался. В начале XVII в. вопросы спорных территорий становятся более острыми. Но если на западном направлении после Смоленской войны в 1634–1638 гг. было проведено размежевание земель и демаркация части границ между Россией и Речью Посполитой, то на южном направлении таких действий не предпринималось[20].

В то же время опустошительные набеги татар в период Смоленской войны показали слабость организации обороны на южных рубежах, поэтому в 1635 г. было принято решение о строительстве на юге новой оборонительной линии, получившей впоследствии название Белгородская черта. Данное мероприятие, с одной стороны, усилило оборонительный потенциал, а с другой – стало следующим шагом в продвижении вглубь Поля (до 300–400 км на юг) и фактическим закреплением новых границ.

Строительство Белгородской черты стало масштабным государственным проектом, растянувшимся на два с лишним десятилетия, в ходе которого было построено более 20 городов-крепостей, возведено 800 км оборонительных сооружений от реки Ворсклы на западе до реки Челновой на востоке.

Белгородская черта, сооружение которой было в целом завершено до начала русско-польской войны 1654–1667 гг., показала себя как эффективный способ предотвращения татарских набегов и стала новым центром притяжения и миграции населения. Административным центром черты стал Белгород. При этом некоторое время роль главного города выполнял Яблонов, построенный в 1637 г. на стратегически важном месте – Изюмском шляхе[21].

Уже на начальном этапе существования Белгородской черты она приобретает статус государственной границы. Так, в специальном царском указе от 1647 г. местному населению запрещалось селиться за чертой[22]. Кроме того, и в сознании служилых людей черта воспринималась как граница государства, что прослеживается в многочисленных донесениях о столкновениях с татарами на черте, в которых сообщается о предотвращении их вторжения «в Русь». Так, воевода города Яблонова А. Бутурлин, описывая в 1637 г. бой с крымцами, упоминает, что они татар «из надолоб выбили и в Русь не пропустили»[23].

Белгородская и другие оборонительные линии, как правило, не совпадали с естественными границами – а именно природными зонами (лесостепь – степь)[24],

[19] *Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И.* Русский фронтир... С. 11–12.
[20] *Мизис Ю.А., Папков А.И.* Внешние и внутренние границы... С. 42–46.
[21] Там же. С. 97, 189.
[22] Там же. С. 44.
[23] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 96. Л. 2.
[24] *Мизис Ю.А., Папков А.И.* Внешние и внутренние границы... С. 43.

что открывало возможность для дальнейшего движения на юг. Таким шагом, продвинувшим границу еще на 150–200 км, стало сооружение в 1679–1780 гг. новой линии, которая в историографии получила название Изюмская черта. Построенная на заключительном этапе русско-турецкой войны 1672–1681 гг., она имела целью защитить от татарских набегов частично заселенные территории за западной частью Белгородской черты, а также усилить позиции России в регионе, обозначив ее права на новые территории.

В отличие от Белгородской черты на большей части своего протяжения Изюмская черта расположилась вдоль берегов рек, используя их как естественные препятствия (как в свое время Береговая линия на Оке). Она как бы примкнула к Белгородской черте, острым углом выдвинувшись в степь, и протянулась на 530 км от г. Усерда на востоке до городка Коломак на западе. После строительства Изюмской черты в документах впервые официально устанавливается статус южных границ России, что было зафиксировано в Бахчисарайском мирном договоре 1681 г.

В период правления Петра I произошло реформирование пограничной службы. С учетом европейского опыта была создана ландмилиция (получившая на южных окраинах приставку украинская). Это были регулярные и полурегулярные военные формирования из местного населения (поселенное войско). Первая попытка набора в ландмилицкие полки проведена в 1713 г. в условиях русско-турецкой войны. На постоянной основе они были сформированы в 1723–1725 гг., а в 1730–1731 реформы были завершены полной заменой регулярной армии на юге на ландмилицию[25].

В это же время в ожидании очередной русско-турецкой войны было принято решение о строительстве новой укрепленной линии на выходе к Северному Причерноморью, в 100–150 км к югу от Белгородской черты. Здесь в 1731–1742 гг. была построена Украинская линия, которая отличалась от предыдущих проектов тем, что ее сооружение велось по уже существовавшим границам. Граница начиналась от южного выступа Изюмской черты на р. Северский Донец и тянулась до Днепра вдоль рек Берека, Берестова и Орель, что соответствовало границам с Турцией по Прутскому мирному договору 1711 г. (хотя уже в 1713 г. граница была установлена южнее между реками Орель и Самара)[26].

Следующая на этом направлении Днепровская оборонительная линия начала создаваться с 1770 г., в разгар русско-турецкой войны 1770–1783 гг. Она начиналась от Днепра и проходила по рекам Конские Воды и Берда до побережья Азовского моря в соответствии с границей, установленной в 1740 г. по Белградскому мирному договору. Уже в 1783 г. с присоединением Крыма Днепровская линия утратила свое значение, а в 1797 г. была упразднена как единый оборонительный комплекс[27].

На Кавказском направлении вдоль новой границы с Османской империей, установленной по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, в 1777–1780 гг. была сооружена Азово-Моздокская укрепленная линия, в которую вошли возведенные здесь ранее крепости Кизляр и Моздок. После заключения в 1791 г. Ясского мирного договора, подтвердившего границы по реке Кубань (по манифесту 1783 г. Екатерины II), вдоль них в 1792 и 1794 гг. возводятся Черноморская кордонная и Кубанская линии (вместе с Моздокской они составили Кавказскую

[25] *Петрухинцев Н.Н.* Основные этапы «ландмилицкой» реформы 1710–1730-х годов // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 250-летию Достопамятного зала. 13–17 сентября 2006 г. Секция «Военная история России: опыт современного изучения». СПб., 2006. С. 32–34.

[26] *Гукова Е.А.* Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710–1780 гг.). Дис. … канд. истор. наук. М., 2009. С. 65–72.

[27] *Макидонов А.В.* Днепровская линия (1770–1797). Запорожье, 2014. С. 26.

линию). После получения выхода к черноморскому побережью Кавказа по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. здесь в 1830-х гг. сооружается Черноморская береговая линия.

Выводы

Успешной реализации стратегии по расширению территории Российского государства на протяжении почти четырех веков способствовало несколько факторов. В первую очередь, это постоянно совершенствовавшиеся организация вооруженных сил и искусство фортификации, что выражалось в строительстве оборонительных линий, которые в первые два столетия лишь обозначали границу фронтира, а в последующий период защищали уже официально установленные государственные границы.

В отсутствии подходящих естественных природных преград с целью защиты своих южных рубежей Российское государство на протяжении нескольких столетий было вынуждено создавать оборонительные линии, физически обозначая последовательно продвигавшиеся к югу границы. Причем если в XVI–XVII вв. оборонительные линии сооружались на территориях, на которые Русское государство претендовало как наследница Киевской Руси, заявляя так свои права на эти земли, то с XVIII в. укрепленные линии возводились исключительно вдоль границ, зафиксированных международными договорами. При этом надлежащее обеспечение защиты от внешних угроз требовало дальнейшего продвижения на юг, которое завершилось лишь по достижению естественных границ – побережья Черного моря, что позволило обеспечить безопасность территорий и населения. Исследования фронтирных территорий на примере южных рубежей России помогает понять, как в данных контактных зонах шел процесс формирования новых идентичностей и социальных статусов.

Поступила в редакцию / Submitted: 31.03.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 02.05.2024
Принята к публикации / Accepted for publication: 30.08.2024

References

Bakhlov, I.V. “Prostranstvennoie razvitie Rossiiskoi imperii: kontseptsiia «yestestvennykh granits [Spatial development of the Russian Empire: the concept of ‘natural borders’].” In *Gosudarstvennaia vlast i upravleniie: problemy i perspektivy: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Saransk, Sredne-Volzhskii institut (filial) VGUYU (RPA Minyusta Rossii), 16 fevralya 2018 g.*, 25–29. Saransk: YurExPraktik Publ., 2018 (in Russian).

Burtsev, I.G., and Deduk, A.V. “K voprosu o termine ‘zasechnaya cherta’ i geograficheskikh ramkakh yego upotrebleniia (nekotoryye zamechaniia i nablyudeniia) [On the issue of the term ‘zasechnaya cherta’ and the geographical scope of its use (some comments and observations)].” In *Belgorodskaia cherta: sbornik statei i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitelnoi cherty*, 14–26. Belgorod: Constanta Publ., 2020 (in Russian).

Gukova, E.A. “Defense of the southern borders of Russia in the 18th century: Ukrainian line and Ukrainian Landmilitsky corps (1710–1780).” PhD diss., MosGU, 2009 (in Russian).

Khromykh, A.S. “K voprosu o primenenii poniatii ‘kolonizatsiia’ i ‘frontir’ v izuchenii istorii Sibiri [On the application of the concepts of ‘colonization’ and ‘frontier’ in the study of the history of Siberia].” In *Istoricheskie issledovaniia v Sibiri: Problemy i perspektivy. Sbornik materialov III regionalnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii*, 108–113. Novosibirsk: Institute of History SB RAS Publ., 2009 (in Russian).

Klyuchevsky, V.O. *Kurs russkoi istorii* [Course of Russian History]. Vol. 5 of *Sochineniia* [Works]. Moscow: Mysl Publ., 1989 (in Russian).

Makidonov, A.V. *Dneprovskaia liniia (1770–1797)* [Dnieper line (1770–1797)]. Zaporizhie: Accent Invest-trade Publ., 2014 (in Russian).

Mizis, Yu.A., and Papkov, A.I. "Russia's external and internal borders and the natural areas in the South from the 16th to the early 18th century." *Russian History*, no. 3 (2016): 33–49 (in Russian).

Mizis, Yu.A., Skobelkin, O.V., and Papkov, A.I. "Russian Frontier: Political, Social and Economic Aspects (South of Russia in the 16th – late 18th centuries)." *Tambov University Review* 20, no. 10 (2015): 7–15 (in Russian)

Nosov, K.S. *Russkiie srednevekovyie kreposti* [Russian medieval fortresses]. Moscow: EKSMO Publ., 2013 (in Russian).

Papkov, A.I. " 'Frontier' or 'Ukraina': Two Approaches to the Study of the History of Russian Colonization of the Dnieper-Don Forest-Steppe in the 16th–17th Centuries." *Rus, Russia. Middle Ages and Modern Times*, no. 5 (2017): 176–180 (in Russian).

Petrukhintsev, N.N. "Osnovnyie etapy 'landmilitskoi' reformy 1710–1730-kh godov [The Main Stages of the 'Landmilitsky' Reform of the 1710s–1730s]." In *Voiennoe proshloe gosudarstva Rossiiskogo: utrachennoe i sokhranennoe: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 250-letiiu Dostopamiatnogo zala. 13–17 sentiabria 2006 g. Sektsiia 'Voiennaia istoriia Rossii: opyt sovremennogo izucheniia'*, 32–34. St. Petersburg: Military History Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps Publ., 2006 (in Russian).

Popov, I.A. "Natural borders as a factor of Russian colonization in modern Anglo-American historiography." *Young Scientist*, no. 19 (2015): 663–664 (in Russian).

Sen, D.V. "Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue." *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1 (2020): 66–80.

Soloviev, S.M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen: Kniga 1* [History of Russia from Ancient Times: Book 1]. St. Petersburg: Obshchestvennaya polza Publ., 1857–1864 (in Russian).

Tleptsok, R.A. "The problem of natural-geographical boundaries of the Russian Empire: conceptual approaches." *Scientific Thought of Caucasus*, no. 2 (2011): 19–22 (in Russian).

Tsyganova, A.A. "The creative legacy of F.J. Turner in the history of American progressivism." PhD diss., MPGU, 2012 (in Russian).

Turner, F.J. *Frontir v amerikanskoi istorii* [The Frontier in American History]. Moscow: Ves mir Publ., 2009 (in Russian).

Zagorovsky, V.P. *Istoriia vkhozhdeniia Tsentralnogo Chernozemya v sostav Rossiiskogo gosudarstva v XVI veke* [History of the entry of the Central Black Earth Region into the Russian state in the 16th century]. Voronezh: Voronezh University Publ., 1991 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Елена Валентиновна Линькова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; linkova-ev@rudn.ru; https://orcid.org/0000-0001-9516-0848; SPIN: 1803-5787.

Elena V. Linkova, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; linkova-ev@rudn.ru; https://orcid.org/0000-0001-9516-0848; SPIN: 1803-5787.

Дмитрий Евгеньевич Евсюков, аспирант кафедры истории России, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; dim-ev@inbox.ru; https://orcid.org/0009-0008-6618-3766

Dmitry E. Evsyukov, postgraduate student of the Department of Russian History, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; dim-ev@inbox.ru; https://orcid.org/0009-0008-6618-3766